УДК 159.943 + 159.947.5 + 355.337

Т. С. Вершинина
Л. Т. Баранская

ФЕНОМЕН ПОДРОСТКОВОГО ВОЕННОГО ГЕРОИЗМА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОТИПИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ВОЙНЕ

Рассматриваются проблемы формирования социотипического поведения подростков. На примере итальянских, германских и советских молодежных организаций анализируются социокультурные условия, ценностно-смысловые детерминанты и т. п., влияющие на формирование поведения подростков в военное время.

Ключевые слова: героическое поведение, социокультурные условия, денотативное и коннотативное значения, мотивационно-смысловые детерминанты, объективные и субъективные ценности, мифология образа.

Исследование развития личности в различные исторические эпохи и в различных культурах становится ключом к пониманию взаимосвязи исторического времени, социального пространства и индивидуального жизненного пути человека. В то же время обнаружение сходного феномена социотипического поведения у разных народов в конкретный исторический период позволяет с уверенностью утверждать, что в нем отражены социогенетические закономерности развития личности [1, *304*].

Процесс социогенеза порождает особое сосуществование социотипического и индивидуального поведения, которое причудливо переплетается в действиях и поступках человека, как обычных, так и необычных, экстраординарных. Примером последних является подростковый героизм военного времени.

В военном героизме, с одной стороны, в наибольшей степени проявляются все существенные аспекты данного феномена: социокультурные условия, денотативное и коннотативное значения, мотивационно-смысловые детерминанты, соотношение объективных и субъективных ценностей и целей, мифология образа. С другой стороны, процесс социализации и механизмы усвоения личностью общественно-исторического опыта существенным образом определяют формы и способы героизма, или героического поведения, а также методы «взращивания» героев. В связи с этим заметим, что взращивание героев в Советском Союзе являлось одной из актуальнейших задач системы воспитания и пропаганды. Причем подобные тенденции отмечаются не только в СССР, но и в других тоталитарных государствах.

Важную роль в данном процессе играет пропаганда, поскольку тоталитарная система нуждается в фанатично преданных ей и верных людях нового

ВЕРШИНИНА Татьяна Станиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры клинической психологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (e-mail: wtatiana@mail.ru).

БАРАНСКАЯ Людмила Тимофеевна — кандидат педагогических наук, завкафедрой клинической психологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (e-mail: lubaran@rambler.ru).

© Вершинина Т. С., Баранская Л. Т., 2011

типа. В процессе создания нового человека тоталитарные режимы работают по общим технологиям — стирание прошлого с последующим устранением постороннего влияния (семьи). Отсюда наиболее эффективный и надежный путь создания «нового человека» — воспитание молодежи, потому что именно лишенная богатого жизненного опыта молодежь легче поддается обработке и формированию установок, соответствующих целям власти.

В Советском Союзе эти функции были возложены на пионерскую организацию, в нацистской Германии — на гитлерюгенд, в Италии времен Муссолини — на Балилла (позднее — единая молодежная организация ДЖИЛ, итальянская ликторская молодежь). Именно молодежь должна была обеспечить прочность и «вечность» режима, именно из молодежи тоталитарные режимы хотели вырастить «нового человека». Подростковый период (12–18 лет) характеризуется формированием самосознания, мировоззренческих установок, ценностей и самооценки личности. Ключевые вопросы подросткового периода становления личности: «Кто я?», «Какой я?». Тоталитарные государства, создавая молодежные организации, исходили из своих задач, навязывали приоритеты, вовлекали молодых людей в такие виды деятельности, которые гарантировали бы формирование необходимых режиму качеств и форм поведения.

Молодежные организации в разных странах строились примерно по одним принципам, причем гитлерюгенд и Балилла заимствовали их у комсомольской организации. Подобие принципов функционирования и идеологических установок молодежных организаций, действенность схожих пропагандистских методов, используемых режимами, объясняются также тем, что в основе воспитательных систем лежали (в Германии и России еще с XIX в.) принципы прусской педагогики. Это, прежде всего, вера в в духовную особенность, общинность мышления и служение всему народу, преданность государству, воспитание характера, физические (позднее — военные) тренировки. Молодежные организации были едва ли не единственным инструментом партии и государства, осуществляющим внешкольное воспитание.

Новая «государственная» религия во главе с верховным божеством диктовала создание нового мира. Пропагандистская машина создавала эмоционально насыщенный визуально-вербализованный ряд символов-героев, используя художественный вымысел, нарративные историb из прошлого и настоящего государства. Для молодых людей организация представляла собой боевое сообщество со строгой дисциплиной, пропагандистские идеи также вносили в движение некий элемент революционности и романтизма. Основные формы работы — это митинги, демонстрации, распространение листовок, расклеивание плакатов под руководством старших товарищей. Кроме этих относительно недорогих средств, государство использовало для повышения эффективности своего идеологического влияния на неокрепшие умы и поддержания поведенческих моделей более дорогостоящие методы воздействия. Если взять пионерскую литературу, то вся она наполнена сюжетами о буднях и праздниках пионерских отрядов или дружин, о взаимоотношениях между пионерами, пионерами и семьей и т. д. Все сюжетные линии согласованы с основными

идеологическими постулатами устава пионерской организации, большинство из них утверждают способность пионера бороться с врагами советского государства.

К началу Второй мировой войны формируется тоталитарный героический дискурс, суть которого состоит во внедрении в массовое сознание установок преображения «плохого» в «хорошее», обыденного в героическое. Многократное повторение одних и тех же установок в текстах массовой культуры умножает определенность представлений о героизме и героическом поведении. Сильные эмоции, которые вызываются подобными установками при помощи средств художественного и тоталитарного дискурсов (кинофильмы, плакаты, газетные публикации, карикатуры и т. п.), могут подавить способность человека рационально мыслить. В СССР этому способствовали репрессии в мирное время, формирование безразличного отношения к собственной жизни, обесценивание жизни граждан. Сильные эмоции, как правило, возникают вследствие конфликта осознаваемых и неосознаваемых действий человека. Цель пропаганды и состоит в том, чтобы вызвать этот конфликт, спровоцировав возникновение такого эмоционального состояния, при котором человек не сможет расшифровать многослойную структуру символа.

В СССР в предвоенные годы, когда вся жизнь граждан была подчинена не только реальным, но и беспочвенным страхам, когда социально значимые ценности (патриотизм, гражданственность, самоотверженность и т. д.) формировались дисциплинарными мерами, указанные установки могли привести к рискованному поведению как форме психологической защиты. Эффективность подобных установок в СССР обеспечивалась также «закрепощенностью» общественного сознания советских граждан.

Советские художественные фильмы для молодежи и документальные хроники, литература навязывали зрителю невротические фиксации на символах Супер-Эго, воплощаемых в различных героических образах, семантика которых, как правило, была продиктована характером человека, стоящего у власти. «Архетип» героя бессознательно переводится Супер-Эго «в дискурс Другого и для Другого» [3, *251*]. Невротические фиксации на героических символических рядах приводят человека в иллюзорное состояние общности с героической личностью. Чувство сопереживания герою, своего рода идентификация с ним укрепляют надежду на лучший мир.

Вся идеологическая машина работала на формирование героических символов, замешанных на патриотизме. Набор символов-героев не был исключительно пионерским, они являлись неотъемлемой частью советской идеологический системы и советской культуры в целом. То же можно сказать и о героических символах тоталитарного дискурса Германии и Италии.

Особенностью пропаганды Третьего рейха является героизирующий натурализм. В книге А. Гитлера «Mein Kampf» первые его герои описываются «забрызганными кровью победителями в неравном бою, достойными подражания бойцами в исторических схватках на митингах». Следующий во времена нацистской Германии героический символ основан на образе автогонщика — Бернда Роземайера (самый излюбленный героический образ 1930-х гг.), вслед за Хорстом

Весселем он занял в народном сознании немцев почетное место[1]. С 1939 г. автогонщика сменил танкист. «На протяжении двенадцати лет понятие героического и соответствующий набор слов все чаще применяются к воинской доблести, дерзкой отваге, презрению к смерти в боевой схватке и ограничиваются этой областью» [2, *4*]. Отличительная черта нацистской пропаганды, с точки зрения эффективности воздействия, — вечерняя работа с ее объектами. Успешность такого воздействия и формирования необходимых установок объясняется тем, что вечером ослаблены психические и физические возможности человека, следовательно, способность «расшифровать» символ также снижена.

Анализ потерь молодежи воюющих сторон и героической символики XX в. дает основание предположить, что создание образцов героического поведения позволяет наименее оснащенной (по качественному составу вооружения) и подготовленной (участие в приближенных к боевым условиям действиях) армии[2] вести длительные боевые действия за счет жизней своих бойцов. По разным данным в годы войны в Красной армии в боевых действиях участвовали более 3,5 млн детей (данные занижены, не учтены дети-партизаны, разведчики и т. п.). Позже, после выхода книги В. Катаева, это явление получило название «сын полка», прежде таких детей называли воспитанниками. В России эта традиция существует с XVIII в. Дети становились участниками боевых действий вследствие разных причин: например, солдаты воинских подразделений подбирали детей, оставшихся без попечения родителей в ходе боевых действий. Это могли быть как сироты, так и просто потерявшиеся дети. В советских частях были нередки случаи, когда родители, занимающие командные должности, один или оба, проходя службу в подразделении, привозили на передовую детей, полагая, что здесь для ребенка будет безопасней, нежели в тылу. Пополнение происходило и за счет детей, убежавших из тыла на фронт и удачно добравшихся до передовой. Большинство из сыновей полка просто выполняли различные хозяйственные функции в подразделении. Однако многие из них принимали непосредственное участие в боевых действиях: юные разведчики, пехотинцы, танкисты, юнги и даже летчик — 14-летний Аркадий Каманин. Многие юные солдаты были награждены орденами и медалями. Самым юным сыном полка, награжденным боевой наградой, стал шестилетний Сергей Алешков, который спас командира и был награжден медалью «За боевые заслуги». Многие из них становились индивидуальными символами героического поведения.

---

[1] Ханс Хорст Вессель (1907–1930) — немецкий штурмовик; после гибели в уличной драке был возведен нацистской пропагандой в ранг национального героя. Бернд Роземайер (1909–1938) — немецкий автогонщик.

[2] В соответствии с постановлением СНК СССР «О комплектовании школ и училищ летчиков ВВС Красной армии» № 2264-976 от 05.11.1940 г. для «комплектования школ и училищ летчиков ВВС Красной армии, Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет... обучение дополнительного контингента производить из числа, главным образом, учащейся молодежи, обучающейся в 9–10 классах, служащих, колхозной молодежи и лишь до 10–15 % рабочей молодежи. ...к обучению допускать лиц, имеющих общее образование не ниже 7 классов средней школы».

Формы поведения молодежи разных государств были различными. Гитлерюгенды и джилы отличались особой жестокостью во время участия в боевых операциях, но это поведение считалось героическим в их странах.

В рамках нашего исследования мы можем с уверенностью сказать, что поведение подростков на фронте (да и в тылу) свидетельствует о сильном эмоциональном воздействии на них дискурсивных практик и последующем формировании устойчивых поведенческих реакций, поскольку подростки, в силу своих возрастных и психологических особенностей, наиболее подвержены манипулятивному влиянию пропаганды.

Анализ «взрослого» героического поведения советских подростков и членов молодежных организаций Германии и Италии в годы Второй мировой войны дает основание сделать вывод о том, что героизм представляет собой надсознательное поведение, усвоенное человеком как членом той или иной группы, образец социальной активности, типичной для данной идеологической парадигмы, влияние которой не осознается и не контролируется человеком.

Это позволяет рассматривать героизм как форму психологической защиты, снижающей уровень аффективной напряженности в импульсивном рискованном поведении. Героизм становится нарративом, представленным в форме символа, распространяемого средствами массовой культуры.

В качестве организованной формы выявления настроя молодежи, пионерское движение, гитлерюгенд и ДЖИЛ давали выход героическим инстинктам. В настоящее время отсутствие целенаправленной работы с молодежью приводит к переходу социально одобряемого героического поведения в социально неприемлемую, противозаконную форму. Невыраженная агрессия в условиях публичной демонстрации насилия, социальной неопределенности и напряженности приобретает криминальные формы. Понятие «героизм» по-прежнему сохраняет сему смерти. Криминальный подвиг становится высшим проявлением дисциплины, навязанной криминальным порядком. Этим, в частности, объясняется криминализация подросткового поведения в 1990-е гг. (стремление в криминальные объединения у мальчиков, проституция — у девочек), когда развалилась система организованной работы с подростками и молодежью и не была предложена альтернатива, дающая возможность управлять героическими инстинктами и направлять их в русло, соответствующее целям власти, согласованным с общественным развитием.

---

1. *Асмолов А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.

2. *Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Васильева. М., 1998.

3. *Руднев В. П.* Словарь безумия. М., 2005.

Статья поступила в редакцию 04.10.2011 г.